

**Евгений
Евстигнеев
говорил:**

— Знаете, нынешнее время вызывает у меня двойные чувства. С одной стороны, действительно ведь свободнее стало. Появился воздух — для возрождения, о котором раньше мечтали в узких кругах и которому теперь всенародно поют дифирамбы. Но по-иному посмотрите: сколько людей мечтают, не знают, что делать, судорожно примыкают к каким-то партиям, сектам, кланам, жаждут за что-то ухватиться, найти своего вожака, свою нишу. Нехватка свободы в застойные годы была болезнью не каждого человека, напротив, у многих именно демократические процессы выбили почву из-под ног. Поэтому противостояние, непонимание разными, слоями общества друг друга, думаю, будет еще долгим.

— И все же, Вы считаете, что когда-то оно исчезнет и воцарится всеобщая гармония в человеческих отношениях?

— Исчезнуть не исчезнет, но формы примет другие, скажем, так — более предсказуемые. Реакцию населения на те или иные изменения можно будет просчитывать, и правительство сможет вести себя увереннее.

— Сейчас постоянно утверждают, что народ устал от политики. Но тем не менее придите в любой дом, начните разговор, и рано или поздно политики он обязательно коснется...

— Говорить за весь народ, по-моему, сложно и даже неприлично. Но, думаю, большая его часть действительно устала. Только не от политики, а от неустойчивости дня сегодняшнего и туманности дня завтрашнего. Такое, конечно, нервнует, раздражает, а иногда и озлобляет. А устать от политики нельзя. Если, конечно, ты не политический деятель, если она не является твоей повседневной работой, поскольку как таковая политика существует во всех стра-

... ПОГОДИТЕ

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ С Евгением ЕВСТИГНЕЕВЫМ

ПЛАКАТЬ ОБО МНЕ

нах и в определенной степени касается каждого.

— Ладно, Бог с ней, политикой, вот мы, Евгений Александрович, сидим с вами в Доме кино. Какой он, на ваш взгляд, наш кинематограф сегодня?

— А здесь вопрос нужно ставить конкретнее. Какой кинематограф? Который вообще или тот, что в прокате? Если взять последний, то в нем наше кино по сути отсутствует. Комментировать же уровень закулаемой видеопроизводства смысла не имеет. Если же говорить о фильмах, снимаемых у нас, отправляющихся на 2—3 фестиваля, а затем попадающих на единичные клубные просмотры, то тут спектр очень пестрый. Есть сильные работы, например, «Астенический синдром» Киры Муратовой или «Пегий пес, бегущий краем моря» Карена Геворкяна. Но я видел и фильмы, которым лишь за счет общего изгойского положения с картинками более высокого уровня удается сохранять имидж непризнанности. А в принципе следить и давать какие-то объективные оценки нашему кинематографу при полном отсутствии проката — дело безнадежное.

— А театры!

— Театрам сейчас нужно вы-

Мы встретились с ним в феврале в Доме кинематографистов. О том, что встреча может быть последней, конечно, не думалось. Более того, мы договаривались о будущей встрече, когда можно будет поговорить обо всем на свете, когда не будут мешать подходящие к столу поклонники, коллеги. Не знаю, почему я все-таки включил тогда диктофон...

жить, и, думаю, в ближайшее время ждать чего-то потрясающего нового не стоит. Как бы кто и что ни доказывал, насущными вопросами почти во всех театральных труппах стали два: как сохраниться и где найти спонсора? Я понимаю, что говорю сейчас довольно известные фразы, но от этого нигде не денешься. Причем парадоксальность ситуации еще и в том, что почти нет различия между актерами молодыми и опытными, новыми студиями и признанными театрами. Все озабочены в равной степени. Допустим, нельзя гарантировать, что МХАТ преодолет свои проблемы быстрее и легче, чем Студенческий театр МГУ. Многие нынче решает удачливость.

— Есть ли в Вашей жизни моменты, о которых Вы сожалеете?

— Я сожалею, что долго был маленьким и глухим. Прозрение мое растянулось и не бы-

ло легким. Лишь спустя несколько лет после школы я начал понимать, что происходит вокруг меня. Может быть, поэтому опоздал с разгоном, позже начал полет.

— Однако все-таки взлетели!

— По крайней мере сыграл свои роли по возможности честно и с желанием. В них было не одно лишь лицедейство, была судьба. И еще отдушина: порой устами своих персонажей мне удавалось сказать то, что сам еще вымолвить был не в силах.

— Теперь Вы говорите все, что думаете!

— Теперь я больше слушаю. В этом, кстати, одна из схожих черт старости и детства. И вообще это самые философские части жизни — время, когда открываются глаза: в детстве — на устройство мира, в котором придется существовать, искать дорогу, расти; в старости — на

все, что позади. В старости ты можешь проверить правильность философии твоего детства, ты можешь провести несуетный анализ самого себя. Вся остальную часть жизни мы взрослеем только относительно, поскольку ритм ее не позволяет нам воспользоваться своей взрослостью. Все, на что нас хватает, это более или менее умело вписаться в предложенные нам законы существования.

— Подходящая к времени строка: «Февраль, достать чернил и плакать...». Вам это близко?

— Погодите плакать. Жизнь не завтра кончается. В плаче есть все-таки компонент бессилия. А я еще верю в свои новые работы. Тем более, весна скоро...

Весна отмерила Евстигнееву всего 4 дня жизни...

Михаил МАРГОЛИС.